

и абие единый другъ Василиевъ вышьдъ извлече мьчъ усѣкнути Михаила; Михайль же прострь руцѣ свои възбраняесе, и отсѣче убиѣца онъ обѣ руцѣ Михайловѣ и изыде вьнь къ другому своим. Михайль же не възможе бѣжати, омраченъ бо бѣ пиянствомъ и падѣ ницѣ плачесе. И вышьдъ единый другъ от Василиевѣх, обрѣте Михаила еще жива и вьнзи мьчъ въ прьси его (Starine, XIV, 142—3).

убуди. Халдѣанин же Иоаннъ, вборзѣ мечемъ ударивъ, обѣ руцѣ отга . . . Симъ ж вкушѣ шедшимса съвѣтъ дѣаху о створшимъ, Асулеон же къ Василию рече, яко аще и руцѣ Михаилу усѣкнухом, но жива его оставихомъ, и възвративса обрѣте Михаила на ложи лежаща, и усѣкнувенѣ ему руцѣ и ничесому же достоинѣ плакася и без милости невѣрное домышленіе Василиево въздыхая. Асулеон же, немилостиво имѣа срьдце, нагъ мечъ в перси Михаилу всунувъ . . . (Истрин, ук. изд., стр. 517—518).

В Хронографе (ПСРЛ XXII, 350) — сжатое и не совсем удачное изложение по Амартолу. В Повести же все убийство совершает Василий один, и изложено оно своеобразно (см. выше), но, несмотря на это, в изложении этом можно уловить, хотя и слабую, связь именно с Амартолом: а) речь Асулеона (отсутствующая у Зонары) нашла себе отражение и полное по смыслу выражение в словах «изменников Михайловых» Повести, и б) упрек Михаила Василию есть развитие и облечение в форму прямой речи сжатого «воздыхания» по поводу вероломства Василия. Такой процесс переработки вполне в духе манеры автора Повести.

IV. Образ Василия как силача:

В Повести прямо не сказано о выдающейся физической силе Василия, но это, ясно, входило в представление о нем составителя, когда он сообщает об укрощении коня: явившийся к царю Василий «извозник поклонився царю и поиде к железной конюшне, гдѣ конь стоитъ, и ударивъ кулакомъ по замком, замки всѣ с пробоевъ долой спадоша» (Унд. 942, л. 3). У Зонары в характеристике Василия — только: «видѣвъ же сего (Василия) Теофильць и добра и храбра, приеть сего с радостию» (Starine, XIV, 140 внизу), и об его физической силе не упоминается, тогда как такое указание у Амартола находим: «мужъ нѣкыи добль, силенъ и хытръ» (Истрин, ук. изд., стр. 505, слова Теофилицы). Весьма возможно, что автор Повести, по своей манере, воспользовался этим намеком, чтобы дать картинку,